

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.1>

UDC 81'42
LBC 81.055.51

Submitted: 23.12.2025
Accepted: 05.03.2026

THE PHENOMENON OF “GLUBINKA” IN RUSSIAN FICTION AND NON-FICTION TEXTS

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the objectification of the phenomenon *glubinka* in various texts, both fiction and non-fiction. *Glubinka* is characterized as an image with a complex structure comprised of constitutive (significant) and distinctive (specific) features. The following are distinguished as constitutive features: spatial-territorial characteristics, actional-existential characteristics, attributive-objective characteristics, characteristics of the subject, characteristics of non-centrality. Distinctive features indicate the administrative and geographical affiliation, distance from the conventional center, the subject's way of life in the given territory, its social status, age, multidirectional movement, events, social and material objects, attributes of the subject's way of life, territories, opposition and comparison with the center. Similarities and differences in the representation of the phenomenon of *glubinka* in various texts are identified. Fiction texts record a certain degree of idealization of the hinterland, they portray a static, unchanging character. Evaluative qualifiers are often used as means of objectification. In non-fiction texts, the locational attachment of events and activities is expressed (mainly northern territories and beyond the Urals), as is the forced pendulum movement, not only the opposition to the center, but also the juxtaposition of *glubinka* and the center. The phenomenon of stereotyping is described: stereotypes about *glubinka* are associated with lifestyle, traditions, a specific subject, and nature, in particular, in fiction, stereotypes are largely characterized by ambivalence.

Key words: “glubinka”, image, constitutive features, distinctive features, fiction, non-fiction.

Citation. Milovanova M.V. The Phenomenon of “Glubinka” in Russian Fiction and Non-Fiction Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 5-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.1>

УДК 81'42
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 23.12.2025
Дата принятия статьи: 05.03.2026

ФЕНОМЕН ГЛУБИНКИ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности объективации феномена глубинки на материале текстов художественной и нехудожественной литературы. Глубинка определяется как образ, имеющий сложную структуру, которую составляют конститутивные (значимые) и дистинктивные (конкретизирующие) при-

знаки. В качестве конститутивных признаков выделяются: пространственно-территориальные, акционально-экзистенциальные, атрибутивно-объектные характеристики, а также характеристики субъекта и нецентральности. Дистинктивные признаки указывают на административно-географическую отнесенность, удаленность от условного центра, особенности бытования субъекта на данной территории, его социальный статус, возраст, разнонаправленное перемещение, событийность, социальные и материальные объекты, атрибуты жизненного уклада, территории, противопоставленность и сопоставленность по отношению к центру. Устанавливаются сходства и различия в репрезентации феномена глубинки в различных текстах. В текстах художественной литературы зафиксирована некоторая идеализация глубинки, ее статичность, отсутствие изменений, в качестве частотных средств объективации выявлены оценочные квалификаторы. В текстах нехудожественной литературы находит выражение локационная привязанность событий, деятельности (преимущественно территории северные и за Уралом), вынужденное маятниковое перемещение, не только противопоставленность центру, но и соположенность глубинки центру. Описывается стереотипизация: стереотипы применительно к глубинке связаны с жизненным укладом, традициями, особым субъектом и природой, причем в текстах художественной литературы стереотипы отличаются большей амбивалентностью.

Ключевые слова: глубинка, образ, конститутивные признаки, дистинктивные признаки, художественная литература, нехудожественная литература.

Цитирование. Милованова М. В. Феномен глубинки в текстах русской художественной и нехудожественной литературы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.1>

Введение

Феномен глубинки представляет интерес для специалистов различных научных направлений в силу ее значимости в социокультурном пространстве страны. Традиционно в отечественной науке глубинка соотносится прежде всего с российским пространством (в других языках, например, английском, немецком и т. д., лексема *глубинка* не имеет прямых эквивалентов), что во многом связано с особенностями расположения внутри страны территорий по отношению к центру.

Единица *глубинка* появилась в лексиконе в советский период. Как отмечает Ю.А. Бельчиков, «характерным для советской эпохи стало образование новых слов в результате соединения или объединения литературно-книжных и разговорных (в частности, народно-разговорных) элементов... См., например: *беспризорник*, *боевитость*, *глубинка*, *терибильщик*, *юнгштурмовка*, *стиляга*» [Бельчиков, 1965, с. 4]. В Национальном корпусе русского языка самые ранние примеры с единицей *глубинка* датируются 1927 годом. Однако, несмотря на достаточно длительный период существования данного понятия, до сих пор нет четких критериев его определения применительно к территории и пространству, которое оно обозначает.

Толковые словари русского языка дают представления о глубинке прежде всего с точ-

ки зрения удаленности от условного центра, причем как пространственной, так и социокультурной (Евгеньева, т. 2, с. 141; Дмитриев, с. 211). Однако глубинка представляет собой достаточно сложный феномен, который не может быть определен только с позиции параметра удаленности.

В социальной географии, которая занимается изучением территорий и их инфраструктуры, в большей степени – если говорить о нецентральных территориях – описаны провинция и регионы [Российская глубинка..., 2012; Марков, 2022; Чернявская, 2013]; глубинке посвящены единичные работы, в частности В.И. Ильин предлагает следующее определение глубинки – это «часть социокультурного пространства, относительно изолированная от основных его потоков, характеризующаяся их относительно низкой интенсивностью и плотностью, ограниченным объемом ресурсов, удаленная от центров политической, экономической и культурной активности» [Ильин, 2010, с. 27]. В рамках социальных практик глубинка, как правило, сопоставляется с мегаполисом [Трофимова, 2014]. В работах зарубежных ученых проблема описания нецентральных территорий в различных областях гуманитарной сферы является не до конца разработанной. Если она и обсуждается, то прежде всего в рамках категории социальной эксклюзии [Boeckh, 2018; Frost et al., 2020].

Характеристика нецентральных территорий в социальных науках может быть уточнена с помощью лингвистических методов анализа.

Целью данной статьи выступает рассмотрение особенностей объективации феномена глубинки в русском языке на материале текстов художественной и нехудожественной литературы. Такого рода исследование позволяет расширить сведения о сложившихся в обществе представлениях о нецентральной территории и более детально описать понятие глубинки, выявив сходства и различия в его художественной и нехудожественной интерпретации.

Материал и методы

В лингвистике проблема отражения в языке нецентральной территории исследуется фрагментарно. Отдельные работы посвящены образу города применительно к тому или иному региону [Голомидова, 2023; Позднякова, 2014], образу русской провинции [Алефиренко, 2011; Данилина, Эртнер, 1999; Спивак, 2004], при этом в качестве эмпирического материала могут выступать СМИ, тексты художественной литературы [Семеновская, 2023]. Однако феномен глубинки как нецентральной территории и особенности его вербализации не получили должного освещения в трудах языковедов.

Материалом послужили подкорпусы художественных и нехудожественных текстов (основной корпус) Национального корпуса русского языка (НКРЯ), из которых были выбраны контексты употребления лексемы *глубинка*.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы метода компонентного анализа.

Результаты и обсуждения

Мы считаем, что глубинка может быть рассмотрена как образ-гипоним, входящий в состав образа-гиперонима «нецентральная территория» наряду с другими образами-гипонимами (провинция, периферия, глушь, захолу-

стье) [Шамне, Милованова, 2025]. Названные образы имеют сложную структуру, поскольку отражают помимо объективных характеристик субъективное восприятие нецентральной территории. В качестве отправной точки такого восприятия выступает понятие условного центра, условного – поскольку его локализованность, как показывают проанализированные контексты, может быть не только объективной, но и субъективной, например, Иркутск позиционируется как большой город либо как глубинка в зависимости от того, что говорящий / пишущий выбирает в качестве точки отсчета.

В структуре образа глубинки мы выделяем конститутивные (субстанциальные, значимые) признаки и дистинктивные (указывающие на отдельные особенности) [Шамне, Милованова, 2025]. В качестве конститутивных признаков выступают следующие характеристики: 1) пространственно-территориальные; 2) событийно-экзистенциальные; 3) квалификация субъекта; 4) квалификация объектов, атрибутов. Помимо этого, образ включает аксиологические и сопоставительные характеристики (сопоставление с условным центром).

1. Пространственно-территориальные характеристики

Названный конститутивный признак актуализируют в контексте дистинктивные признаки, указывающие на административно-географическую отнесенность обозначаемой территории, либо на особенности пространства.

1.1. Административно-географическая отнесенность. В фактическом материале текстов художественной литературы (далее – ХЛ) данный признак выражают оттопонимические адъективы, причем в материале постсоветского периода отмечено расширение их состава за счет обозначения зарубежной территории – как ближнего, так и дальнего зарубежья (*грузинская, белорусская, швейцарская, китайская, азиатская, бургундская* и др.). Отдельно отметим, что в фактическом материале не прослеживается тенденция отнесения той или иной территории к глубинке. С одной стороны, это территории, действительно удаленные от центра (*северная, колымская, сибирская глубинка*). С другой стороны, это может

быть *среднерусская, смоленская, рязанская* и даже *подмосковная глубинка*.

В рамках объективации административно-географических характеристик широко представлена единица *российская*, которая используется применительно к глубинке вообще, без конкретизации, как правило, в контекстах, выражающих различное перемещение как в глубинку, так и из нее: *...мне выпала дальняя дорога в российскую глубинку. Руководство поручило мне совершить там маленькое экономическое чудо...* (НКРЯ: Алексей Смирнов. Лазарь и бес // Звезда. 2002); *Жизнь на многие годы забросила Кольцову в российскую глубинку* (НКРЯ: Михаил Елизаров. Библиотекарь. 2007); *Эту Валю считали малахольной. Вся ее семья была чудной. Они приехали из российской глубинки* (НКРЯ: Г.А. Сванидзе. Подростковые игры // Волга. 2009).

Адъектив *русская* менее частотен, сочетание *русская глубинка* представлено преимущественно в контекстах, указывающих на определенные стереотипы по отношению к обозначаемой территории: *Небритый военкоматовский капитан в кителе, но без зеленого галстука, привыкший ко всему: к мату, убийственной скуке русской глубинки, тупости и жадности начальства, к скудным взяткам и «подарочным» пакетам, исподлобья глядя на Толика, сказал: Ну всё, Смирнов, годен к строевой* (НКРЯ: Александр Балашов. Ангелы приходят без стука // Ковчег. 2015).

Применительно к текстам нехудожественной литературы (далее – НХЛ) отметим более обширную группу единиц, номинирующих как российское, так и зарубежное пространство (причем в последнем случае – преимущественно дальнего зарубежья): *владимирская, орловская, калужская, липецкая, псковская, костромская, уральская, сибирская, архангельская, хакасская, северная приморская, чувашская* и др.; *американская, тexasская, калифорнийская, бразильская, афганская, фламандская, синдская, бретанская, ливийская, африканская, таджикская, норвежская, испанская, белорусская* и др. Как видим, в рамках пространства Российской Федерации единицей *глубинка* обозначаются территории преимущественно некрупных областей.

В фактическом материале НХЛ содержательно расширяется круг ситуаций, в которых *глубинка* позиционируется как *российская* – не только в рамках перемещения из / в, но и с точки зрения деятельности субъекта, различных событий и мероприятий: *Бриколёр – это народный умелец, который творит из того, что есть под рукой, например, конструируя в российской глубинке самолет из деталей автомобилей и тракторов, а бриколаж – деятельность по созданию данного летательного аппарата* (НКРЯ: Т.Г. Стефаненко. Этнопсихология. 1999); *Бурлюк, активный деятель литературно-художественной жизни, совершив турне по российской глубинке, отправился на Восток, в Японию...* (НКРЯ: Арина Абросимова. Блудный отец (2001) // Аргументы и факты. 04.04.2001).

Слово *русская*, напротив, встречается в единичных примерах, в них *глубинка* выступает как обобщенное обозначение нецентральной территории: *все из деревенского детства, из русской глубинки*.

1.2. Локализованность. *Глубинка* может позиционироваться через номинирование конкретной локации. Однако в текстах ХЛ такие примеры немногочисленны. В материале представлены единичные случаи ойконимов и хоронимов, относящихся как к российскому, так и к зарубежному пространству: *Менделеевск – глубинка России; Вардува, небольшой городок в глубинке западной Литвы; глубинка Англии*. Помимо этого, указание на определенную локализованность могут выражать единицы со значением административного деления: *сельская, районная глубинка*.

В текстах НХЛ, напротив, широко представлены номинации конкретных локаций – как области, так и города, а также малых населенных пунктов, в частности хоронимы, астионимы и ойконимы, причем преимущественно это территории северные и за Уралом: *Архангельская область, Иркутская область, Колыма, Магадан, село Бурнашево*. Зафиксировано устойчивое сочетание *символ глубинки*, которое употребляется по отношению к малым городам России (например, *Урюпинск – символ российской глубинки*). Что касается *глубинки* в рамках зарубежного пространства, отмечены единичные случаи

употребления хоронимов (как правило, это *Америка*, которая отличается протяженностью).

1.3. Удаленность от условного центра. Данный признак является релевантным для определения территории как глубинки, он эксплицирован в фактическом материале обоих подкорпусов, причем удаленность может быть градуирована (с точки зрения увеличения): *далекая глубинка; подальше в глубинку; куда-то дальше в глубинку; отдаленнейшая глубинка; самая глубинка; самая что ни на есть глубинка; черт знает, какая глубинка; куда ни Макар, ни его нынешние потомки коров «ни в жисть» не гоняли; тьмутаракань*.

Удаленность может быть выражена также посредством указания расстояния от условного центра (примеры зафиксированы в фактическом материале текстов ХЛ советского периода): *верст двадцать к северу от станции, за пятьсот верст отсюда*; либо указания на пространственный объект-ориентир, который ближе к условному центру или рядом с ним: *далеко от железной дороги*, либо, напротив, далеко от условного центра: *за лесами; за болотами; в глубинке* (в фактическом материале текстов НХЛ).

На удаленность могут также указывать маркеры неопределенности – *откуда-то, какую-нибудь, где-нибудь, куда-то* (то есть далеко; неизвестно где), также широко представленные в текстах ХЛ и НХЛ: *Игорю хотелось сказать ей прямо с порога, чтобы она брала ноги в руки и переезжала вместе с сыном куда-нибудь подальше, в какую-нибудь глубинку, но сдержался* (НКРЯ: А.Б. Сальников. Отдел // Волга. 2015); *Я же, хотя и предъявил справку, что работаю и.о. научного сотрудника в Эрмитаже, получил направление в один из районов Ленинградской области – не то в Волховский, не то в Тихвинский – куда-то дальше в «глубинку», сейчас уж не помню* (НКРЯ: И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава одиннадцатая (1937–1939). 1995).

2. Акционально-экзистенциальные характеристики

Данный признак представлен несколькими дистинктивными признаками.

2.1. Определенные занятия, деятельность. В контекстах произведений советского периода (ХЛ) глубинка характеризуется с точки зрения сельскохозяйственной деятельности (*возили зерно, колесить по районной глубинке*), а также свободного временипровождения – *гулять, пить*. В текстах постсоветского периода – как территория, где меньше возможностей (в социально-бытовом плане), поэтому, например, там востребован привозимый из центра дешевый товар (*толкать в глубинку, растащат по совхозам*), причем глаголы имеют разговорную, сниженную окраску (с оттенком пренебрежения), и как пространство, которое служит местом укрытия (*скрываться где-нибудь в затхлой российской глубинке*).

Занятия и деятельность в фактическом материале ХЛ могут быть также выражены как желания, стремления субъекта: *купить избу, махнуть по самой глубинке, ехать в глубинку с концертами*, либо как определенные усилия с какой-либо целью (или их отсутствие): *пробился в армейской глубинке; застрянешь в глубинке, не пробьешься наверх*. Распространенная конструкция *выбиться из глубинки* подчеркивает усилия на пути достижения человеком определенного социального положения, преодоление препятствий, в такого рода контекстах прослеживается противопоставление условному центру.

Названный дистинктивный признак репрезентирован в единичных случаях в фактическом материале НХЛ: *конструировать самолет; могут играть в футбол; в глубинке много работают, строят, мало пьют* (последний пример «локационно привязан» – речь идет о Башкирской глубинке).

Помимо отмеченных особенностей, в подкорпусе НХЛ представлена актуализация рассматриваемого признака как «нулевая деятельность», либо несоответствующая нормам деятельность. Ведущими средствами в таких контекстах выступает субстантив *проблема*, адъектив *плохой*, а также отрицательные конструкции: *проблемы не решены, проблема открыть филиал банка, плохое снабжение снегоуборочной техникой, не владеет навыками продвижения продукции, не может дозвониться, не всегда имеют возможность приобщиться к искусству, оперируют не скальпелем, а бритвой* и др.

2.2. Разнонаправленное перемещение. Глубинка объективируется как территория, куда или откуда перемещаются (по отношению к условному центру) по различным причинам (так называемое «маятниковое» перемещение). Отметим, что конструкции с глаголами, передающими перемещение по направлению «в глубинку», широко представлены как в текстах ХЛ, так и в текстах НХЛ, например, перемещение в глубинку с определенной целью, либо в зависимости от обстоятельств (ХЛ): *приехал в глубинку из областного центра, уехал в глубинку служить священником, вернуться в родную глубинку, командировали на два дня в глубинку, отправился в русскую глубинку, жизнь забросила в глубинку*. В фактическом материале подкорпуса НХЛ в большей степени представлены глагольно-именные сочетания, актуализирующие перемещение субъекта по чьей-то воле, либо вынужденно: *отправили в глубинку, направили в глубинку работать, усадить подальше в глубинку, зашлют в глубинку, загнан в далекую глубинку*; отмечены также глаголы движения, выражающие недлительное по времени перемещение с определенной целью (в сфере культуры прежде всего): *уезжать в глубинку с ансамблем, повезти в глубинку праздник, поехать по глубинке с концертами, поехал на картошку, ехать за природой и экстримом, нырнуть в глубинку* (в последнем случае подчеркивается значение «погружения» в данную среду).

Контексты с перемещением из глубинки в центр представлены в материале ХЛ в единичных случаях: *приехал в Ленинград из глубинки поступать*. В текстах НХЛ такого рода конструкции также немногочисленны: *везти спектакли из глубинки*; однако отмечены случаи негативной оценки глубинки как территории, откуда субъект стремиться переместиться в условный центр: *из глубинки бегут в Москву; выталкивают детей в центр*.

В фактическом материале отмечены антонимичные глагольно-именные сочетания (зафиксированы в обоих подкорпусах): *забраться в – выбраться из; забраться в глубинку* подчеркивает перемещение на далекое расстояние от условного центра, а также ука-

зывает на возможность спрятаться, скрыться; *выбраться из глубинки* – акцентирует внимание на определенных трудностях (дорога, дальность расстояния и т. д.).

2.3. Бытование, существование субъекта на обозначаемой территории. Указанный признак объективирован в фактическом материале подкорпуса ХЛ конструкциями с глаголами *родиться, жить*. Прослеживается также оппозиция условному центру, например: *в глубинке одичали*, либо соположенность – *мы здесь не лаптем щи хлебам*.

В подкорпусе НХЛ отмечен более широкий круг глагольных единиц: *работать в глубинке, жить, осесть, похоронить, вырастить*.

Отдельно отметим в рамках рассматриваемого признака явление стереотипизации, в частности в контекстах выражен такой стереотип применительно к глубинке (в сопоставлении с условным центром) как «настоящая жизнь»: *понюхать жизни в глубинке, посмотреть на мир в глубинке, окунуться в жизнь*. Обратим внимание, что такого рода примеры представлены в фактическом материале ХЛ постсоветского периода.

2.4. Событийность – признак эксплицирован в текстах НХЛ. Событийность может иметь отношение к культурной и социально-экономической сферам, причем она направлена из условного центра: *проводятся лекции, ВИА собирали публику, проведение автомобильного салона, компьютеризация учреждений образования* и др. (в примерах инициатором / носителем событийности выступает центр).

3. Характеристики субъекта

Указанный конститутивный признак в структуре образа глубинки объективирует особенности субъекта, имеющего отношение к данной территории. В качестве дистинктивных признаков выделены следующие.

3.1. Род деятельности. В фактическом материале ХЛ представлены типичные для нецентральной территории сферы: образование, культура, медицина, спорт – *библиотекари, учителя (начальных классов), санитары, силачи* и др., например: *...и лишь где-нибудь в глубинке библиотекариши или учительницы, возможно, еще проливают сле-*

зы над текстами не востребовавшихся суровой эпохой первоначального накопления капитала поэтических талантов и бегают по утрам для них за четвертинкой (НКРЯ: Николай Климонтович. Далее – везде. 2001); Спортобщество «Динамо» приняло на свое попечение сельских силачей, почему-то прибывших из *глубинки* не на подводах, а в девяти купе московского поезда (НКРЯ: Анатолий Азольский. Диверсант // Новый Мир. 2002), в последнем примере отражены определенные стереотипы о мужчинах из глубинки – это, конечно же, силачи, причем стереотипность сочетается с иронией (*подводки*). Явление стереотипизации прослеживается также в примере: *Как и положено генералу, родился в глубинке, все детство пас гусей и мечтал о небе* (НКРЯ: Варвара Сеницына. Муза и генерал. 2002) – в данном случае представлен типичный путь настоящего военного наверх: из народа, деревенское детство, мечты.

В подкорпусе НХЛ наблюдается расширение состава субъектов (как и сфер): *сельские врачи, провинциальный режиссер, художники, прозаики, поэты, голеодор, студенты, сельский милиционер, киномеханик, фермер, бизнесмен, руководитель, сельхозпроизводители, ресторатор, пчеловод, политик* и др.

3.2. Социально-бытовой / социально-экономический статус. Данный признак репрезентирован в материале такими единицами, как *колхозники, селяне* (ХЛ), *сельчанин* (НХЛ), указывающими прежде всего на негородскую территорию.

3.3. Возраст. Возрастные номинации в подкорпусе ХЛ представлены единицами в рамках оппозиции «молодой – старый», при этом отдельно отметим, что эти единицы сочетаются с квалификаторами, выражающими определенные характерные черты номинируемого субъекта (физическая крепкость (молодой), отсутствие материального достатка, вера в бога (старый)): *крепкий парень; финский парень; типичный лесоруб; безвалютные старички; чистенькая богобоязненная старушка*.

В подкорпусе НХЛ частотны номинации невзрослого субъекта: *одаренные / талантливые дети / ребята*, встретились также единицы *девушка (простая), парень, биномиал старики и старухи*.

3.4. Индивидуальные особенности, способности. Субъект из глубинки с точки зрения способностей оценивается положительно, он, как правило, талантлив (преимущественно в сфере культуры и искусства), что выражают в подкорпусе ХЛ единицы *гений, самородок, певец советской деревни и поэт гармонии, любитель органной музыки, метафора редкий цветок*.

Индивидуальные особенности указывают, например, на физические параметры: *красавица, блондин с голубыми глазами*; характер: *смешливы и на язык чутки*. Отметим, что единица *красавица* также может быть включена в состав стереотипов, поскольку не единична, и передает обобщенное стереотипное представление о том, что в глубинке живут красавицы.

Субъект в отдельных случаях также не конкретизирован в контексте, а выражен обобщенно: *человек из глубинки, человечек, мужичонка*, причем суффиксы субъективной оценки передают значение простоты, неприметности.

В подкорпусе НХЛ подчеркиваются особенности характера субъекта: *милая простушка, наивные простаки*, либо способности: *самородок, народный умелец*.

В рамках характеристик субъекта в текстах ХЛ нашли отражения определенные стереотипы (приверженность к старым традициям, устоявшемуся образу жизни), причем данные стереотипы оцениваются иронически: *Однажды на каком-то толпилице и шумилице я тоскливо слонялась и уже собиралась уйти, когда ко мне подошла девушка примерно моего возраста, одетая в модное и яркое, красивая, тонкая... Это правда, что у тебя аллергия на людей? – спросила она. Мы вообще-то не знакомы, – ответила я довольно сухо. А, ну да, ты откуда-то из глубинки, у вас там, типа того, приличия? Разговариваете грамотно, книксенами приседаете?* (НКРЯ: Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма не рожденному сыну // Волга. 2009).

4. Атрибутивно-объектные характеристики

Названный признак актуализирует определенные объекты и атрибуты в рамках рассматриваемой территории. Особо отметим,

что в контексте единицы, их номинирующие, сопровождаются квалификатором, в роли которого выступает адъектив, как правило, с оценочным значением (в большей степени квалификаторы отмечены в текстах подкорпуса ХЛ).

4.1. Социальные объекты: *мрачный вокзал, безвестные аэродромы, ветхий барак, жалкие выставки, станция, музей и др.* (ХЛ); *совхоз «Изобильный», крупный колхоз, многоквартирные дома, столовая, магазин, баня, пекарня, мастерская, контора, гараж, изобилие районных учреждений, СМИ, библиотека, выставка «Мастера глубинки», провинциальные театры, крупные заводы, фабрики, фермы, православные гимназии и школы, этнографически-зоологический музей и др.* (НХЛ). Заметим, что в текстах ХЛ такого рода объекты оцениваются, как правило, негативно.

4.2. Материальные объекты: *конь* (как движимое имущество, которое можно купить, продать и т. д.), *урожай зерна, пшеница, трактор «Беларусь» и др.* (ХЛ); *гузевой транспорт, хлеб, замки и поместья местной аристократии, мокроступы и др.* (НХЛ).

4.3. Атрибуты жизненного уклада и традиции (ценности): *скука, простые и бесхитростные взаимоотношения, казенный запах вокзала, малые цены, халтура, достойный уровень советской науки и культуры, вера в приметы, консервативные нравы* (как правило, данный признак представлен с точки зрения субъекта центральной территории) (ХЛ); *художественные промыслы, этнографический материал, сеть молодежных группировок, гордость за защитников, скучная жизнь, ощущение заброшенности и культурной отчужденности, темнота и безграмотность, серая, пошлая, мрачная* (НХЛ) (обратим внимание, что негативная атрибутивность отмечена в контекстах, повествующих о видении глубинки в отдельных рассказах и повестях таких писателей, как В. Шукшин и В. Астафьев, то есть в ХЛ). В текстах НХЛ в большей степени находит отражение стереотипный образ глубинки с ее традиционной душевностью: *В русской глубинке сохранилось больше доброты, душевности, сердечности, люди менее политизированы, и заряд бодрости от этих по-*

ездок я получаю большой (НКРЯ: М.В. Жилкина. Обстоятельства, в которых мне пришлось совершать патриаршее служение, особые... (2004) // Журнал Московской патриархии. 28.06.2004). В целом, когда мы говорим о явлении стереотипизации, следует заметить, что в такого рода случаях в тексте находит отражение соотношение объективной и субъективной составляющих, особенно неоднозначно это соотношение, как отмечают Л.В. Балашова и К.И. Кириллова, в жанре массмедиа [Балашова, Кириллова, 2024, с. 368], то есть в нехудожественной литературе.

4.4. Атрибуты собственно территории (местности): *бездорожье, грязь, гористо-лесисто, пустынно, удобства на улице, затхлая* (ХЛ); *бездорожье, лужи, пространство по утилизации лодок и ракет и др.* (НХЛ).

4.5. Атрибуты природного ландшафта. Природа глубинки характеризуется стереотипно, с определенной долей идеализации: это *березовая роща, улей, поля с чертополохом* (ХЛ); *заповедники, пейзажи, степные просторы, живая природа, первозданная красота* (НХЛ). Пример из текстов НХЛ: *Никакие высококлассные шоссе не могут тронуть меня до слез красотой своей, как это легко делают лесные дорожки, береговые рыбацкие тропы в зарослях крапивы, мяты, черныбильника и иван-чая, да даже грунтовые колдобины российской глубинки-глуши!* (НКРЯ: Евгений Весник. Дарю, что помню. 1997).

Применительно к репрезентации признака атрибутивно-объектных характеристик особо показателен следующий пример (ХЛ), в котором нашли отражение стереотипы удаленной от центра территории с соответствующей атрибутикой (пыль, отсутствие транспорта, запустение): *После третьего курса снарядили нас в Вологодскую губернию. Прибываем под вечер на станцию, как говорится, N, и дальнейший наш путь лежит верст на двадцать к северу, в глубинку. Очаровательное захолустье: пыльный бурьян, по улице бродят козы, автобуса нет до утра... Дом колхозника – двухэтажное строение, выкрашенное омерзительной розовой краской, с дверью на одной петле и разбитыми окнами, встретило нас мглой и сложной вонью гнилой капусты, аммиака и пере-*

жизненного комбижира (НКРЯ: Алла Боссарт. Повести Зайцева // Дружба народов. 1998).

Однако в целом явление стереотипизации в большей степени отмечено в текстах НХЛ, когда глубинка, а именно ее атрибутивные характеристики (положительные, негативные) – покой, уют, потаенность, либо беспорядок и т. д., выступают в качестве источника сравнения: ...в купеческом Замоскворечье спать ложились рано и вставали чуть свет. Здесь и поныне живо ощущение покоя, уюта, умиротворения, сравнимое с атмосферой русской глубинки (НКРЯ: Ольга Борисова. Самый «московский» музей // Наука в России. 2012); Согласен, повсеместно, конечно, нет, но Россия живет своей потаенной жизнью глубинки, сохраняя многое из того, что нам кажется уже потерянным (НКРЯ: Народный костюм: архаика или современность? // Народное творчество. 2004); Госпиталь стал проходным двором: ходят родственники-армяне по коридорам и палатам в шапках, в пальто, как в какой-нибудь сельской больнице в саратовской глубинке (НКРЯ: М.М. Кириллов. Дневник. 1988).

Отдельно в текстах ХЛ в рамках рассматриваемого конститутивного признака следует выделить адъективы (которые присутствуют в составе репрезентантов в выделенных группах), выражающие оценочную атрибутивность, как правило, положительную: живописная, добропорядочная, полынная, настоящая и др.

5. Характеристики нецентральности

Глубинка может объективироваться в контексте посредством сопоставления с центральной территорией (условным центром).

5.1. Глубинка – Москва / столица. В такого рода случаях в качестве языковых средств, номинирующих центральную территорию, в обоих подкорпусах текстов отмечены астионим Москва, единица со значением административно-территориального деления столица, катойконим москвич, а также адъективы московский, столичный, в текстах ХЛ встретился годоним Садовое кольцо, например: Писатели люди патологически завистливые, они не могут примириться с тем,

что рядом с ними, по тем же улицам и переулкам, бродит гений... гений приехал в Москву черт знает из какой глубинки (НКРЯ: Ю.М. Поляков. Козленок в молоке. 1994); Вы... московские... оторваны... от глубинки..., дядя Гиляй, настроенный «пробиться», прощупывал почву... (НКРЯ: Ефим Гаммер. Звезды в земле // Ковчег. 2013); Ведь одно дело столицы – здесь у нас и гимназии, и лицеи, а в глубинке у учителей просто опускаются руки... (НКРЯ: Марианна Баконина. Школа двойников. 2000). В этих и других примерах глубинка сопоставляется с центром с точки зрения субъекта, условий, окружающей среды, образа жизни.

5.2. Глубинка – город. Это противопоставление также объективировано в фактическом материале обоих подкорпусов. Центральную территорию в данном случае выражают различные астионимы (Санкт-Петербург, Свердловск и др.) либо единица со значением административно-территориального деления город (в ряде случаев с уточняющими квалификаторами большой, крупный, огромный, причем в текстах ХЛ представлен развернутый ряд квалификаторов: огромный, тысяче-ликий, таящий всевозможные соблазны): Михаила Лапина печалили проблемы сельской интеллигенции, а Егор Строев сетовал, что «talанты вырастают в глубинке, но проявляют себя только в больших городах» (НКРЯ: Татьяна Панина. Инвестиции – хлеб экономики // Российская газета. 2003); Ну, город Таню, естественно, расшевелил. И даже поразил. Сами понимаете, что это такое для девочки из северной глубинки. Огромный шумный город, море, жаркие дни, теплые вечера... (НКРЯ: Сергей Шикера. Выбор натуры // Волга. 2014). Сопоставляется субъект, условия и городская – не городская жизнь.

В рамках выделенной группы в текстах НХЛ отмечено явление стереотипизации, в частности сохранения традиций, например: Вы спрашиваете: откуда у городского человека все эти завиральщины, бывальщины, балагурщины, досюльщины и озорные разговоры? Не задумываясь, назову точный адрес: из деревенского детства. Всё оттуда. Из русской глубинки, где жил, живёт и всегда будет жить наш язык в

устах его творца – народа (НКРЯ: Книжная лавка // Родина. 2008).

5.3. Глубинка – зарубежная территория (Европа, Запад). Встретились немногочисленные случаи, когда центральная территория представлена зарубежным пространством. Причем в такого рода примерах в текстах ХЛ находят отражение определенные стереотипы 1990-х – начала 2000-х гг. в рамках культурной сферы: «культурный Запад» и «непросвещенная глубинка», а также применительно к образу жизни – «цивильная Европа» и «затхлая глубинка», причем глубинка – далеко, там можно *спрятаться*, а Европа – многолюдна, там можно *затеряться*.

В материале НХЛ такие примеры немногочисленны: *европейская столица – российская глубинка, США – российская глубинка* (сравниваются субъекты, стоимость жизни).

5.4. Глубинка – центр / регион. Данное противопоставление широко представлено в фактическом материале НХЛ, как правило, единица *центр* употребляется с квалификатором со значением размера территории, административно-территориального деления, экономического и культурного развития: *крупный / районный / индустриальный / культурный / административный центр – глубинка; крупный регион – глубинка*.

В рамках признака «нецентральности» следует выделить следующую характеристику: в подкорпусе текстов НХЛ распространены так называемые соположенные конструкции (в рамках обобщенной оппозиции «центр – глубинка»), в которых центральная и нецентральная территории объединяются по какому-либо выражаемому параметру: *волонтерские отряды – есть в крупном городе и в глубинке, нужен томограф – в столице и глубинке, Арбат оценивают одинаково москвичи и жители глубинки* и др.

Таким образом, анализ фактического материала – подкорпусов художественной и нехудожественной литературы НКРЯ позволяет уточнить понятие глубинки как нецентральной территории. В качестве средств-репрезентантов этого понятия в текстах обоих подкорпусов широко представлены оттопони-мические прилагательные; маркеры удаленности; глаголы перемещения; номинации субъекта по различным параметрам; номина-

ции объектов и атрибутов; единицы в рамках оппозиции «центр – не центр». Помимо этого, в текстах художественной литературы распространены единицы тематической группы «деятельность, занятия», глаголы бытования; в текстах нехудожественной литературы – номинации конкретных локаций, глагольно-именные сочетания со значением событийности, конструкции соположенности (глубинка и центр).

Заключение

Феномен глубинки при объективации в текстах художественной и нехудожественной литературы во многом обнаруживает сходства, однако выделяется также ряд различий, обусловленных собственно функциональной направленностью текстов. Итак, под глубиной в рассмотренных нами текстах художественной и нехудожественной литературы понимается следующее:

1) глубинка представляет собой территориальное пространство, удаленное от условного центра на неопределенное расстояние от «близко» до «очень далеко», при этом данное расстояние может быть уточнено количественно (ХЛ), либо через пространственные ориентиры, конкретные локации (НХЛ);

2) субъектом глубинки являются представители прежде всего социально значимых сфер (учителя, врачи, библиотекари) преимущественно сельской местности и малых городов, субъект позиционируется с точки зрения возраста (молодой / немолодой), одаренности, индивидуальных особенностей, в художественной литературе – женской красоты;

3) в глубинке бытование субъекта определяется основными жизненными этапами (родился, рос и т. д.); в текстах нехудожественной литературы деятельность и занятия субъекта, как правило, локационно привязаны, а также здесь репрезентируется отсутствие, либо невозможность определенной деятельности в силу ряда условий, в художественной литературе глубинка выступает пространством, где протекает «настоящая жизнь»;

4) для глубинки как пространства характерно разнонаправленное перемещение по отношению к условному центру (из глубинки в центр – в глубинку из центра) с определенной

целью, под влиянием обстоятельств, при этом в текстах нехудожественной литературы перемещение в глубину часто осуществляется по чьей-то воле, а при перемещении в центр глубинка характеризуется негативно;

5) глубинка в нехудожественной литературе объективируется также как пространство, в котором происходят определенные события, привносимые из условного центра (как правило, культурного и социального характера);

6) глубинка включает в себя различные социальные и материальные объекты (как правило, не городской среды), которые в текстах художественной литературы сопровождаются оценочными квалификаторами (амбивалентная оценка);

7) глубинка имеет определенные атрибуты, которые характеризуют ее амбивалентно, с точки зрения ландшафта – стереотипно как пространство с живой природой, типичным русским пейзажем;

8) глубинка позиционируется как территория, противопоставленная центру (условно-му), в роли которого выступает столица, город (крупный), регион; в текстах нехудожественной литературы также как территория, соположенная центру;

9) глубинка – это территория со сложившимися стереотипами ее восприятия: добропорядочная, полярная, живописная, заповедно-далекая, с березами, с настоящей жизнью, с местными «ломоносовыми», со скукой, статичностью (ХЛ); где покой, уют, сохранение традиций (исконность), доброта, душевность, изначальные ценности, первозданная красота природы (НХЛ).

Таким образом, анализ текстов художественной и нехудожественной литературы показал сложную структуру понятия глубинки в русской лингвокультуре и позволил уточнить и расширить представление об этом феномене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н. Ф., 2011. Жизнесмыслы русской провинции в зеркале языка // Вестник Вятского государственного университета. № 1-1. С. 124–130.
- Балашова Л. В., Кириллова К. И., 2024. Концептуальный образ страны-оппонента в жанре аналитической статьи в российских и американских общественно-политических массмедиа (на материале деструктивных метафор) // Жанры речи. Т. 19, № 4 (44). С. 357–367. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367
- Бельчиков Ю. А., 1965. О развитии русской лексики в советскую эпоху // Русский язык в школе. № 6. С. 3–9.
- Голомидова М. В., 2023. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург : образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 14, № 1. С. 29–53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Данилина, Г. И., Эртнер Е. Н., 1999. Образ провинции в русской литературе XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. С. 34–49.
- Ильин В. И., 2010. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIII, № 4. С. 25–47.
- Марков Р. Е., 2022. Ментальные карты как инструмент изучения образа города (на примере г. Касимова) // Культурный ландшафт регионов. Т. 4, № 6. С. 61–80. DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-6-61-80
- Позднякова Е. Ю., 2014. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан // Филология и человек. № 2. С. 76–86.
- Российская глубинка: модели и методы изучения : сб. ст., 2012 / ред.-сост. Т. А. Корнилова, Е. П. Олешкевич. Москва : Эслан. 463 с.
- Семеновская А. Е., 2023. Концепт «провинция» в русской литературе XIX века : семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 4 (228). С. 101–109. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-101-109
- Спивак М. Я., 2004. «Провинция идет в регионы» : О некоторых особенностях современного употребления слова «провинция» // Геопанорама русской культуры. Москва : Яз. слав. культуры. С. 503–518.
- Трофимова И. Н., 2014. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. № 3 (7). С. 60–78.

- Чернявская О. С., 2013. Нижний Новгород глазами нижегородцев: внутренний образ города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (29). С. 69–76.
- Шамне Н. Л., Милованова М. В., 2025. Медиаобраз нецентральной территории в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 24, № 2. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3>
- Boeckh J., 2018. Migration und soziale Ausgrenzung // Handbuch Armut und soziale Ausgrenzung. Springer. S. 539–571. DOI: 10.1007/978-3-658-19077-4_24
- Frost L., Magyar-Haas V., Schoneville H., Sicora A., 2020. Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice. Bristol University Press, Policy Press. 200 p. DOI: 10.1332/policypress/9781447344063.001.0001

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru

СЛОВАРИ

- Дмитриев – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. Москва : Астрель, 2003. 989 с. (Словари Академии Российской).
- Евгеньева – Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Астрель : АСТ, 2003. 2 т.

REFERENCES

- Alefirenko N.F., 2011. Zhiznesmysly russkoy provintsii v zerkale yazyka [Life-Meanings of the Russian Province in the Mirror of Language]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], no. 1-1, pp. 124-130.
- Balashova L.V., Kirillova K.I., 2024. Kontseptualnyy obraz strany-opponenta v zhanre analiticheskoy stat'i v rossiyskikh i amerikanskikh obshchestvenno-politicheskikh massmedia (na materiale destruktivnykh metafor) [Conceptual Image of a Rival Country in Analytical Articles in Russian and American Socio-Political Mass Media (Based on Destructive Metaphors)]. *Zhany rech'i* [Speech Genres], vol. 19, no. 4 (44), pp. 357-367. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367
- Belchikov Yu.A., 1965. O razvitiy russkoy leksiki v sovetskuyu epokhu [On the Development of Russian Vocabulary in the Soviet Era]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 6, pp. 3-9.
- Golomidova M.V., 2023. Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta [Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: The City Image in the Dynamics of a Toponymic Text]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru. Baltic Accent], vol. 14, no. 1, pp. 29-53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Danilina G.I., Ertner E.N., 1999. Obraz provintsii v russkoy literature XIX v. [The Image of the Province in Russian Literature of the 19th Century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], no. 4, pp. 34-49.
- Ilyin V.I., 2010. Rossiyskaya glubinka v sotsialnoy strukture Rossii [Russian Hinterland in the Social Structure of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. XIII, no. 4, pp. 25-47.
- Markov R.E., 2022. Mentalnye karty kak instrument izucheniya obraza goroda (na primere g. Kasimova) [Mental Maps as a Tool for Studying the Image of a City (Using the City of Kasimov as an Example)]. *Kulturnyy landschaft regionov* [Cultural Landscape of Regions], vol. 4, no. 6, pp. 61-80. DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-6-61-80
- Pozdnyakova E. Yu., 2014. Problema vospriyatiya gorodskogo prostranstva i yego otrazheniya v yazykovom soznanii gorozhan [The Problem of Perception of Urban Space and Its Reflection in the Linguistic Consciousness of City Dwellers]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], no. 2, pp. 76-86.
- Kornilova T.A., Oleshkevich E.P., eds. 2012. Rossiyskaya glubinka: modeli i metody izucheniya: sb. st. [Russian Outback: Models and Methods of Study. Collection of Articles]. Moscow, Eslan Publ. 463 p.
- Semenovskaya A.E., 2023. Kontsept «provintsii» v russkoy literature XIX veka: semanticheskoye pole psikhologicheskikh i ekzistentsialnykh sostoyaniy [The Concept of “Province” in Russian Literature of

- the 19th Century: Semantic Field of Psychological and Existential Feelings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 4 (228), pp. 101-109. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-101-109
- Spivak M. Ya., 2004. «Provintsiya idet v regiony»: O nekotorykh osobennostyakh sovremennogo upotrebleniya slova «provintsiya» [The Province Goes to the Regions”: On Some Features of the Modern Use of the Word Province”]. *Geopanorama russkoy kultury* [Geopanorama of Russian Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 503-518.
- Trofimova I.N., 2014. «Megapolis» i «glubinka» kak modeli tsennostnykh orientatsiy i politicheskikh ustanovok rossiyan [“Megapolis” and “Hinterland” as Models of Value Orientations and Political Attitudes of Russians]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], no. 3 (7), pp. 60-78.
- Chernyavskaya O.S., 2013. Nizhniy Novgorod glazami nizhegorodtsev: vnutrenniy obraz goroda [Nizhny Novgorod Through the Eyes of Nizhny Novgorod Residents: The Internal Image of the City]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences], no. 1 (29), pp. 69-76.
- Shamne N.L., Milovanova M.V., 2025. Mediaobraz netsentralnoy territorii v rossiyskikh SMI [Media Image of Non-Central Territory in Russian Media]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 24, no. 2, pp. 29-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3>
- Boeckh J., 2018. Migration und soziale Ausgrenzung. *Handbuch Armut und soziale Ausgrenzung*. Springer, S. 539-571. DOI: 10.1007/978-3-658-19077-4_24
- Frost L., Magyar-Haas V., Schoneville H., Sicora A., 2020. *Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice*. Bristol University Press, Policy Press. 200 p. DOI: 10.1332/policypress/9781447344063.001.0001

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

- Dmitriev D.V., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 989 p. (Slovari Akademii Rossiyskoy [Dictionaries of the Russian Academy]).
- Yevgenyeva A.P., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols.] Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2003.

Information About the Author

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Информация об авторе

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>